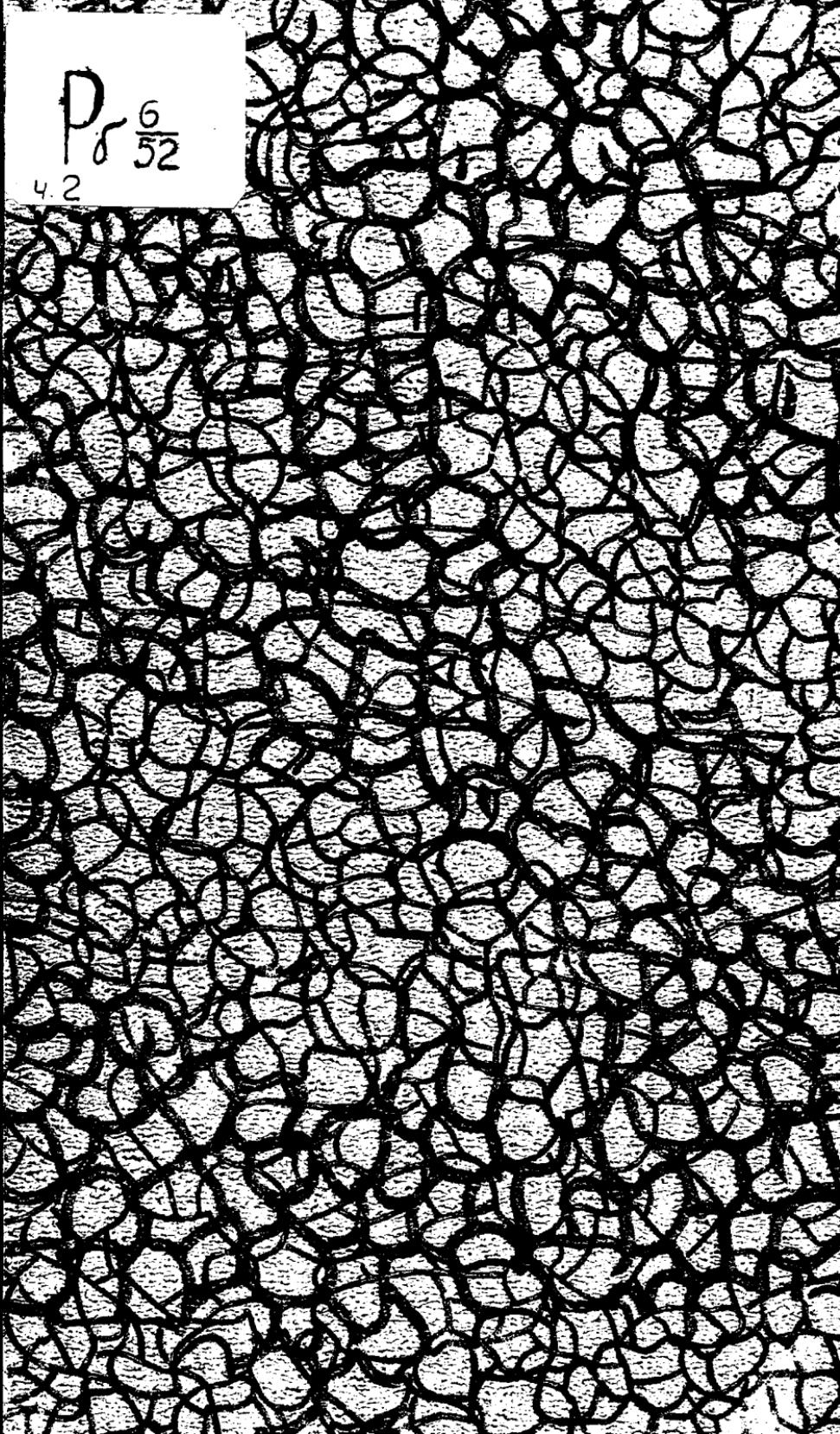

Pg 6
52
4.2

Г. Васильчъ.

Междуречіе и
Возстание 1825 года.

Часть вторая.

Съ рисунками и портретами.

**Междуречіе и
возстаніе 1825 года.**

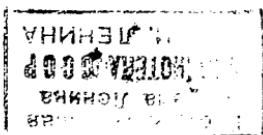
Г. Василичъ.

Междуцарствіе и возстаніе 1825 года.

Часть вторая.

Съ иллюстраціями и приложеніями.

Москва — 1908 г.

59464-46

2007061473

МОСКВА—1908.

Типо-литографія „Русского Товарищества“ печатнаго и издательск. дѣла.
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. д. Телефоны: 53.95 и 18.35.

1.

Причины возстанія на югѣ.

Возстаніе 14-го декабря въ Петербургѣ подавлено съ непростительной жестокостью, съ несоответствовавшей сопротивлению силою, характеризовавшею лишь паническій страхъ побѣдителей. Насколько этотъ страхъ былъ преувеличеннымъ, показываетъ намъ тотъ фактъ, что въ теченіе двухъ-трехъ дней почти всѣ виновники возстанія были уже въ рукахъ новаго самодержца, и послѣдній во очію могъ убѣдиться въ безопасности преступниковъ, посягателей на его власть, онъ могъ увидать, что противъ его личности они ровно ничего не имѣли.

Но декабрьское возстаніе не ограничилось петербургской драмой. Русскому абсолютизму въ то же время было принесено еще очень много жертвъ.

Мы говоримъ о возстаніи на югѣ. Исторія его еще короче, чѣмъ петербургскаго возстанія, а судьба еще печальнѣе.

Нашему читателю уже извѣстно о южномъ тайномъ обществѣ, образовавшемся послѣ закрытія Союза Благоденствія, ему извѣстны лица, стоявшія во главѣ этого общества; Пестель, Юшневскій, Сергій Муравьевъ, Бестужевъ-Рюминъ—всѣмъ извѣстны; извѣстно также различіе между этимъ обществомъ и Сѣвернымъ. Это различіе заключалось въ большей дѣятельности южнаго общества, большемъ энтузіазмѣ и нетерпѣніи его членовъ; наконецъ въ требованіи большихъ правъ для народа, его представителей, чѣмъ то желали сѣверяне.

Существованіе южнаго общества рано стало извѣстнымъ правительству, а его настроеніе и поведеніе членовъ сильно беспокоило сѣверянъ. Если нужно еще разъ припомнить результатъ сношеній обществъ въ 1824 году, то мы лучше

всего увидимъ всю ихъ неудачу изъ интимнаго, братняго письма М. Муравьевъ къ Сергею Ивановичу Муравьеву. М. Муравьевъ находился въ Петербургѣ специально затѣмъ, чтобы подвинуть дѣятельность Сѣвернаго общества; туда же прїѣзжали для переговоровъ кн. Волконскій, Давыдовъ и, наконецъ, Пестель. Подъ вліяніемъ этихъ визитовъ и написано письмо. Оно полно печальной для южанъ критики ихъ дѣятельности и не подаетъ ни малѣйшей надежды на осуществленіе намѣченныхъ плановъ.

3-го ноября 1824 г. Муравьевъ писалъ брату:

«Я былъ крайне непріятно пораженъ, дорогой другъ, тѣмъ, что Вы мнѣ пишете въ Вашемъ послѣднемъ письмѣ. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ Васъ, а теперь приходится отказаться отъ надежды скоро увидѣть Васъ. Что касается меня, милый другъ, я непремѣнно прїѣхалъ бы. Я бросилъ бы свои купанья. Но мнѣ было строго приказано неѣздить къ Вамъ. Мой отецъ заставилъ меня дать ему положительное обѣщаніе, что я не поѣду, послѣ того какъ онъ получилъ предостереженіе отъ Николая Назаровича, а Вы знаете, какъ этотъ послѣдній хорошо освѣдомленъ. Правительство теперь постоянно на-сторожѣ и если оно не дѣйствуетъ такъ, какъ слѣдовало бы ожидать, то у него есть на то свои причины. Югъ сильно привлекаетъ его вниманіе, оно знаетъ какой тамъ царить духъ, и меня крайне огорчаетъ то, что Вы такъ дѣйствуете, словно прекратились всякия подозрѣнія. Доказательствомъ тому служить хотя бы посѣщеніе меня нѣкимъ г-номъ Лореромъ, съ которымъ я былъ едва знакомъ въ Петербургѣ и коего Пестель прислалъ мнѣ Богъ-вѣсть зачѣмъ, какъ стараго знакомаго. Мы еще далеки отъ того момента, когда благоразумно рисковать; а рискъ несвоевременный ведетъ лишь къ тому, что мы теряемъ людей и что дѣло оттягивается до безконечности. Онъ говорилъ мнѣ, что у васъ въ полкахъ назначенъ срокъ въ одинъ годъ. Правду сказать, все это приводитъ меня въ недоумѣніе и если бы я не зналъ, что одиночество способствуетъ экзальтации чувствъ, а это даетъ преимущества нѣкоторымъ молодымъ вертопрахамъ, которые при другихъ обстоятельствахъ были бы только смѣшны, то я считалъ бы васъ всѣхъ сумасшедшими.

Сей г-нъ Лореръ разсказалъ мнѣ о Вашихъ знакомствахъ или, вѣрнѣе, о Вашемъ знакомствѣ¹⁾. Онъ сообщилъ мнѣ, что Вы не говорите обѣ этомъ иначе, какъ со слезами на глазахъ, что съ первого знакомства Вашъ мнимый другъ сказалъ ему, что вы связаны тѣсной дружбой, что онъ все время летаетъ то туда, то сюда, что служа въ другомъ полку, онъ былъ постоянно вмѣстѣ съ Вами, что его частыя поѣздки въ Кіевъ совмѣстно въ Вами были причиной того, что Вамъ запретили тудаѣздить и т. д. и т. д.

Вы знаете мои принципы, знаете, что согласно моимъ воззрѣніямъ нѣтъ такого чувства, которое требовало бы большей деликатности, чѣмъ дружба, которое при этомъ такъ исключало бы даже тѣнь тщеславія. Впрочемъ, Вы могли убѣдиться, что я съ довольно таки большимъ постояннствомъ порицаю Вашъ образъ дѣйствія. Если бы дѣло не касалось спокойствія Вашего, а слѣдовательно и моего собственного, я бы махнулъ на все это рукой, и это мнѣ въ сущности не трудно сдѣлать. Я представилъ бы времени разорвать ту завѣсу, которая опутала Вашъ разсудокъ со времени слишкомъ извѣстныхъ контрактовъ 1823 года. Но не забудьте, что если Вы не будете постоянно принимать мѣры,—дѣла не останутся въ такомъ положеніи и горе Вамъ, если правительство этимъ воспользуется; все это такъ шито бѣлыми нитками, что ему было бы легко опутать Васъ Вашими же сѣтями. Я не сержусь на Васъ, не пеняю на Васъ, мой дорогой Сережа, хотя былъ бы вправѣ разсчитывать на большее довѣріе къ себѣ съ Вашей стороны. Приписывая мнѣ такія качества, которыхъ у меня вовсе нѣть, Вы отказываете мнѣ въ томъ, на которое я только и претендую. Я имѣлъ сильную склонность къ преждевременной зрѣлости ума—всѣ разнообразныя событія, коихъ я былъ жертвой, послужили мнѣ впрокъ, давъ мнѣ нѣкоторое знаніе людей,—поэтому то я искренно благодарю Бога за то, что Онъ соизволъ испытать меня; когда же я вспоминаю, что я отчасти виновенъ во всемъ происшедшемъ, то испытываю такія душевныя муки, которыя невозможно передать.

¹⁾ Подразумѣвается М. Бестужевъ-Рюминъ.

Дай Богъ, чтобы событія не оправдали моихъ словъ! Зачѣмъ Вы посѣтили Вадковскаго?

Пользуясь настоящей вѣрной оказіей, чтобы высказать намъ свою profession de foi. Я вполнѣ убѣжденъ, что пока ничего нельзя сдѣлать, ничего не сдѣлать и въ Петербургѣ для оправданія нашихъ друзей. Скажу болѣе: самый опытъ показываетъ, что тутъ ничего не подѣлаешь.

Визиты, которые тамъ были сдѣланы, породили разладъ—иначе и быть не могло, съ одной стороны выражали чувства, съ другой—высказывали предположенія насчетъ вѣроятностей, а это послѣднее вышло очень ужъ холодно¹⁾.

Къ чести тамошнихъ я долженъ сказать, что они съ уваженіемъ отзываются о васъ, чего съ вашей стороны я не вижу. И все это дѣлается изъ ничтожнаго тщеславія, ради того, чтобы тономъ учителя навязать писанныя гипотезы²⁾, о которыхъ одному лишь Богу извѣстно, примѣнимы онѣ или нѣтъ. Раздѣль земель, даже какъ гипотеза, встрѣчаетъ сильную оппозицію. И я спрашиваю Васъ, дорогой другъ, скажите по совѣсти: возможно ли привести въ движение такими машинами столь великую инертную массу? Нашъ образъ дѣйствія, по моему мнѣнію, порожденъ полнымъ ослѣпленіемъ; не забывайте, что образъ дѣйствія правительства отличается гораздо большей положительностью. У великихъ князей въ рукахъ дивизіи и они имѣли достаточно мудрости, чтобы создать себѣ креатуръ. Я не говорю о ихъ братѣ, у которого больше сторонниковъ, чѣмъ это обыкновенно думаютъ. Эти господа дарятъ участки земли, деньги, чины... а мы что дѣлаемъ? Мы сулимъ отвлеченности, обѣщаемъ дать государственныхъ дѣятелей изъ прaporщиковъ, которые даже не умѣютъ себя вести. А между тѣмъ плохая дѣйствительность въ данномъ случаѣ предпочтительнѣе, чѣмъ блестящая неизвѣстность. Допустимъ даже, что намъ легко будетъ пустить въ дѣло сѣкиру революціи; но поручитесь ли Вы въ томъ, что съумѣете ее остановить? Армія первая измѣнить нашему дѣлу. Приведите мнѣ хотя

¹⁾ Намекъ на поѣздку южныхъ членовъ общества кн. С. Г. Волконскаго и В. Л. Давыдова съ предложеніемъ соединенныхъ дѣйствій.

²⁾ Подразумѣвается Пестель и его «Русская Правда».

бы одинъ фактъ, который бы, не скажу, доказывалъ, а лишь позволилъ бы предполагать противное. Нашелся ли хотя бы одинъ офицеръ Семеновскаго полка, который подвергъ себя, разстрѣлянию? Вы меня спросите, зачѣмъ имъ подвергать себя этому, но дѣло идетъ не о той пользѣ, которую это принесло бы, а о стремлениіи къ другому порядку вещей. Признаюсь, я еще болѣе недоволенъ вашими переговорами съ поляками. Вы съ ними въ такихъ отношеніяхъ, которыхъ никогда не слѣдовало допускать, судя по тому, что Вы мнѣ говорили. Вы неосмотрительно прибѣгли къ фактору, который неминуемо долженъ быть создать такое панибратство. Я первый буду противиться тому, чтобы Польша разыграла въ кости судьбу моей родины.

Наши силы—чисто виѣшнія, у васъ нѣтъ ничего надежнаго. Намъ нечего спѣшить и въ данномъ случаѣ я не понимаю, какъ можно произносить это слово.

Чтобы построить большое зданіе, нуженъ прочный фундаментъ, а о немъ то менѣе всего думаютъ у насъ. Будетъ ли намъ дано пожать плоды нашей дѣятельности—это въ руцѣ Провидѣнія; мы же должны исполнять свой долгъ—не болѣе. Разумѣется, не слѣдуетъ, творить ребячества, не слѣдуетъ принимать армейскихъ офицеровъ, пока ни къ чему не пригодныхъ; вотъ когда придется время пустить ихъ въ дѣло, тогда нужно повелительно двинуть ихъ впередъ, не спрашивая, угодно это имъ, или нѣтъ.

Г. Лореръ сказалъ мнѣ также, что Юшневскій принялъ за принципъ проучить молодыхъ людей, чтобы они не кричали въ комнатахъ, а на улицахъ, на площадяхъ. Уговорите его пустить себѣ кровь, онъ боленъ, увѣряю Васъ; по крайней мѣрѣ реагируйте энергично противъ него ради безопасности тѣхъ несчастныхъ, коихъ можетъ безъ нужды сдѣлать таковыми этотъ господинъ. Мнѣ пишутъ изъ Петербурга, что царь въ восторгѣ отъ пріема, оказанного ему въ тѣхъ губерніяхъ, которыя онъ недавно посѣтилъ.

На большой дорогѣ народъ бросался подъ колеса его коляски; ему приходилось останавливаться, чтобы дать время помѣшать такимъ проявленіямъ восторга. Эти будущіе республиканцы всюду выражали свою любовь и не подумайте,

что это было подстроено. Исправники не принимали въ этомъ участія и не знали, что предпринять. Я знаю это отъ вполнѣ надежного лица, другъ котораго, участвовалъ въ этой поѣздкѣ.

Я былъ на маневрахъ гвардіи; полки которые подвергались такимъ измѣненіямъ, не подаютъ большихъ надеждъ. Даже солдаты не такъ недовольны, какъ мы думали. Исторія нашего полка совершенно забыта.

Проѣзжая черезъ Москву, я видѣлъ двухъ лицъ¹⁾, которыхъ сказали мнѣ, что еще ничего не сдѣлано, да и дѣлать ничего—благоразумнаго, разумѣется. Вотъ, милый другъ, что я хочу Вамъ сообщить при свиданіи, которое я надѣялся, должно было вскорѣ состояться. Не удивляйтесь перемѣнѣ, произошедшей во мнѣ, вспомните, что время—великій учитель».

Это письмо очень характерно и интересно. Оно рисуетъ намъ взгляды и мысли членовъ тайныхъ обществъ конца царствованія Александра I; оно чрезвычайно ясно передаетъ намъ положеніе дѣлъ, задуманныхъ обществами, ту печальную дѣйствительность, которая должна была отрезвляюще подействовать на тѣхъ, у кого «въ полкахъ назначень срокъ въ одинъ годъ» для начатія «рѣшительныхъ» дѣйствій. Въ томъ отношеніи оно не оставляло ни малѣйшей надежды; напротивъ говорило заговорщикамъ, что абсолютизмъ имѣеть за собой огромную силу; что самодержавіе еще имѣеть подъ собой твердое основаніе; что, наконецъ, идеи народнаго правленія совсѣмъ неизвѣстны въ массѣ населенія.

Правда у вѣроисповѣданныхъ не было „историческихъ примѣровъ“ западнаго образца, но у нихъ есть примѣръ пугачевщины; послѣдняя еще не совсѣмъ забыта, но она никоимъ образомъ не можетъ входить въ планы декабристовъ; напротивъ она могла лишь оттолкнуть, задержать какое угодно стремленіе.

Кто знаетъ, насколько времени все это взятое вмѣстѣ могло отодвинуть исполненіе давнихъ стремленій,—во всякомъ случаѣ не на одинъ и не на два года. Это могло бы

¹⁾ Вѣроятно, Якушкина, одного изъ Фонъ-Визинъ или И. Пущина.

быть, еслибы не подвернулись совершенно неожиданныя обстоятельства.

Такимъ обстоятельствомъ для Сѣвера была вторичная присяга на протяженіи двухъ недѣль, другими словами нѣкоторое замѣшательство въ престолонаслѣдіи. .

Для юга междуцарствіе прямой роли не играло; толчкомъ къ возстанію тамъ была рѣзкая перемѣна правительства къ тайнымъ обществамъ.

Правительство Александра I знало и даже одно время поощряло масонскія *тайныя ложи*; отношеніе къ нимъ самого императора было таково, что члены тайного политического общества помышляли о своемъ открытии Александру; но этого не случилось и, вѣроятно, къ лучшему, такъ какъ очень скоро, а именно въ 1822 году даже масонскія ложи были запрещены; къ этому времени окончательно выяснился поворотный курсъ Александрова царствованія; онъ не замедлилъ отразиться и на политическомъ обществѣ, давно извѣстномъ Александру и оставленномъ имъ въ покоѣ «стыда ради европейскаго». Система Миттерниха освобождала и отъ этого препятствія и уже въ послѣдніе дни своей жизни Александръ повелѣлъ произвести обыски и аресты среди членовъ тайныхъ обществъ.

Первоначально напали на слѣдъ Южнаго общества по проискамъ и сыскамъ Шервуда и доносу Майбороды ¹⁾). На Югѣ и начались первые аресты. Первымъ былъ Пестель.

Пестель уже подготовлялся къ этому событию.

Совершенно сторонніе факты навели его на подозрѣнія нависавшихъ несчастій. Пріѣздъ въ ноябрѣ фельдъегера, въ Тульчинѣ съ извѣстіемъ о болѣзни императора, пасмурное настроеніе главнокомандующаго казались подозрительными Пестелю по отношению къ безопасности тайного общества и его членовъ. Онъ сталъ готовиться къ розыску, уничтожать лишнія бумаги и прятать наиболѣе компрометирующая.

На вопросъ слѣдственной комиссіи, что побудило Пестеля спрятать бумаги задолго до ареста, послѣдній въ по-

¹⁾ См. Междуцарствіе и восстаніе 1825 года, часть I. М. 1890 г.

казаніяхъ отъ 6-го апрѣля говорилъ: «Бумаги мои скрылъ я не въ половинѣ ноября, но по возвращеніи Крюкова отъ Муравьева. Причины же слѣдующіе. Послѣ сношенія съ Бошнякомъ находились мы въ безпрестанномъ опасеніи. Въ послѣднихъ числахъ ноября пріѣхалъ въ Тульчинъ фельдъегерь изъ Таганрога и вскорѣ же потомъ поѣхалъ начальникъ главнаго штаба къ г. Главнокомандующему на встрѣчу, не дождавшись его прибытія, а потомъ поѣхалъ далѣе, но тогда не было извѣстно куда. Князь Барятинскій спрашивалъ у его сына Александра, что не война ли съ турками? Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ, нѣчто гораздо важнѣе. Изъ совокупности всѣхъ сихъ обстоятельствъ, получилъ кн. Барятинскій столь сильное подозрѣніе, что Крюковъ 2-й и отправился ко мнѣ съ сими извѣстіями, а отъ меня поѣхалъ къ Муравьеву, чтобы ему сообщить оныя, и узнать отъ него, не имѣютъ ли они и съ своей стороны какихъ - либо свѣдѣній. На возвратномъ его пути вручилъ я ему мои бумаги. Послѣ уже узнали, что сей фельдъегерь привозилъ извѣстіе о болѣзни государя Императора».

Бумаги, о которыхъ упоминаетъ Пестель, заключали въ себѣ главнымъ образомъ Русскую Правду; наиболѣе опасные ея главы—о верховномъ управлении—Пестель сжегъ, а остальные вмѣстѣ съ бумагами князя А. П. Барятинского и П. А. Крюкова 2-го, были зарыты въ землю братьями Борищевыми-Пушкиными, при участіи Заикіна, недалеко отъ Тульчина въ селѣ Кирнавовкѣ.

Опасенія Пестеля были основательны и оправдались слишкомъ реально.

На основаніи доноса капитана Вятскаго полка, Майбороды, принятаго въ члены тайного общества самимъ Пестелемъ, послѣдній былъ арестованъ 13 декабря 1825 года, въ то самое время, когда въ Петербургѣ было рѣшено поднять на завтра восстаніе въ полкахъ гвардіи.

Аресту этому предшествовала слѣдующая переписка между Таганрогомъ и Варшавою, т. е. Дибичемъ и вел. кн. Константиномъ.

Цесаревичъ отъ 1-го декабря *секретно* писалъ:

«Баронъ И. И. Я получилъ письмо в. п.—ва отъ 23-го»

минувшаго ноября съ фельдъегеремъ Кузьминымъ. Принося вамъ благодарность за довѣренность ко мнѣ вашу извѣщеніемъ объ открывающемся злонамѣренномъ тайномъ обществѣ, я полагаю, если угодно будетъ вамъ принять въ семъ случаѣ мой совѣтъ, что не токмо къ открытию сего зла, но и къ совершенному онаго искорененію необходимо слѣдуетъ не останавливаясь употребить со всею дѣятельностю рѣшительныя мѣры. Тѣ же самыя мѣры, по мнѣнію моему, надлежитъ принять и въ разсужденіи полковника *Пестеля*, на котораго падаетъ подозрѣніе въ участіи по сему обстоятельству, и в. пр—во, какъ начальникъ Главнаго Штаба е. и. в., по высочайше предоставленной сему званію власти, можетъ дѣйствовать со всею требуемою въ такихъ случаяхъ рѣшительностю и принимать соотвѣтственные важности обстоятельствъ мѣры, заставляя каждого, отъ кого зависѣть будетъ, исполнить все то, что требуетъ долгъ всякаго, по возложенной на него обязанности.

Сіи мысли излагаю вамъ единственно по тому уваженію, что в. пр—во извѣстили меня о такомъ предметѣ, на который по важности дѣла надлежитъ обратить особенное вниманіе, а также по преданности моей къ покойному г. им—ру, ибо поставляль всегда священною обязанностю изъяснять е. и. в. благодѣтелю моему со всею искренностю мысли мои во всякихъ подобныхъ случаяхъ».

Въ отвѣтъ на это письмо Дибичъ 8-го декабря писалъ, что еще не могъ предпринять «рѣшительности», такъ какъ не получалъ никакихъ свѣдѣній отъ полковника Николаева.

«Что касается дѣла *Вадковской* и *Пестеля*,—писалъ онъ—то я не имѣю еще извѣстій отъ полковника Николаева, посланного съ цѣлью перехватить корреспонденцію первого изъ нихъ и арестовать самаго виновнаго, если обстоятельства потребуютъ того; я послалъ также генерала Чернышева арестовать Пестеля, захвативъ и его бумаги, и поручилъ ему посовѣтоваться съ графомъ Витгенштейномъ о томъ, какія мѣры слѣдуетъ принять, если онъ откроетъ еще виновныхъ. Въ то же время я увѣдомилъ секретнымъ образомъ графа Сакена и согласно приказанію в. в., данному мнѣ 26 ноября, я послалъ донесеніе въ Петербургъ со слѣдующей надписью: